

В 1958 году Ярослав Смеляков прочитал подстрочные переводы студента Литературного института Дондока Улзытуева и впал в такой восторг, что серьёзно решил напечатать эти подстрочники, так сказать, в «натуральном виде», настолько они «сочились» и дышали поэзией. Правда, в конце концов «Пятнадцать песен» всё-таки были переведены поэтом Евтушенко и увидели свет в журнале «Дружба народов». Таким блистательным был дебют Дондока Улзытуева в Москве...

К югу от Улан-Удэ, в окруженье бурятских степей и плавных холмистых возвышений, на берегу небольшой речушки стоит древний бурятский улус Шибертуй. Здесь прошли детство и юность поэта.

*А когда я бродил босиком,
По крутым берегам Шибертуй,*

*И за радугой бегал бегом,
И свистел, подражая синицам,*

*Молчаливый старик Шойсорон
Повстречал мою мать и промолвил:*

*«Либо станет сказителем он,
Либо просто чудным человеком».*

Я перевёл за годы нашей дружбы три книги его стихотворений. И это всегда радостная работа.

...Мы прощались ветреной осенней ночью на рокошущем аэродроме Шереметьево. Ветер трепал чёрные волосы Дондока, хлопал полами плаща... Объявили посадку.

— Я жду тебя, — сказал он мне. — Будем ходить по Бурятии пешком, от улуса до улуса. Никаких машин. В крайнем случае, на лошадях. Спасибо за книгу!

Много раз приглашал он меня в Бурятию. Много раз собирался приехать я к нему. В его степи. В его Шибертуй. Чтобы понять. Откуда взялся поэт, который может петь, как птица, и рассуждать, как философ, одновременно. Даже в маленьком восьмистишии:

*Там, где раскинул Хилок берега,
Тянется к небу гора Хайранга.*

*С другом, навеки живущим во мне,
Ныне встречаюсь только во сне.*

*Вижу — как трубка дымится гора,
Вижу улыбку твою как вчера.*

*Вижу сквозь дымку улыбку твою,
Истину в близких чертах узнаю.*

Через какое-то время после его отъезда я получил из Улан-Удэ письмо:

«Мой дорогой европеец!

Уже несколько дней сижу на берегу. Много раз проштудировал книгу Керама “Боги, гробницы, учёные”, которую ты подарил мне прошлой осенью. Книга заворожила меня, взбудоражила всю душу, без того беспокойную. В детстве я копался в могильных курганах и находил разные штуки, которые мать повелевала выбрасывать вон. А сейчас я понял, что выбрасывал бусы из драгоценных камней, драгоценные украшения, не только ценности вообще, но и ценности археологические...»

Много раз, сидя у меня на кухне за бутылкой вина, под традиционным буддийским знаком, оберегающим дом от глаза и от злых духов (знак этот Дондок начертил на стене во время одного из застолий), мы вели жаркие споры о прошлом и будущем наших народов, о судьбах России и Азии, о кровной и духовной связи, сложившейся между нами в незапамятные времена... Как хорошо говорил Дондок обо всём этом, с каким напряжением

и вдохновением глядел в книгу истории. Читая, а порой угадывая, что в ней написано!

Но продолжу его письмо.

«...Под таинственными холмами моей земли лежат бесчисленные богатства. Ведь буряты — пришельцы на этой земле. Некогда на её просторах процветала великая цивилизация какого-то народа, который в период ледников ушёл неизвестно куда, может быть, на юг, может быть, к берегам Тихого океана и дальше на бесчисленные острова. Кто знает, те ацтеки, или тельтеки, или майя, — может быть, это потомки тех, кто благоденствовал некогда на тёплой земле Сибири?..»

Да не прочтут пристрастно и ревниво учёные-историки эти отрывки письма, потому что, если всё и не так в свете науки, то, кроме её света, есть свет поэзии и той любви к земле и человечеству, который живёт в словах Дондока Улзытуева.

«...Зачем ты занимался спортом? Зачем читал книгу Керама? Может быть, ты готовился выкопать и открыть неизвестную поныне цивилизацию, а может быть, тебе угодно было найти и вытащить на свет божий могилы Чингисидов?..»

Не раз он говорил мне о том, что у бурят есть обычай бросать в речные воды статуи золотых и серебряных божков, словно для того, чтобы доказать, что не материальные символы, не предметы жизни и быта связаны с человеческой сущностью, а нечто непреходящее, что запечатлевается навеки в песнях, мифах, легендах и живёт даже тогда, когда и народы и цивилизации рассыпаются в прах под напором времени. А когда я спросил его, почему никому не известно, где же эти могилы, почему остались только предания и имена, он ответил мне приблизительно так:

— Чингис, уверивший своих подданных в том, что он сын неба, должен был сделать всё, чтобы люди поверили, что после смерти он взят на небеса, а потому и нельзя было ему оставить свою могилу на земле... Культ личности на самой последней ступени, отвергающий земное поклонение, — пантеоны, гробницы, мавзолеи! «...О! И вдруг является чужеземец страны, которая лежит в многих днях пути отсюда, и направляется прямо к нужному месту. Он берёт палку и проводит линию: одну — сюда, другую — туда. “Здесь, — говорит он, — находится дворец, а там — ворота”, — и показывает нам то, что всю жизнь лежало у нас под ногами. “Откуда узнал ты об этом — из книг? С помощью волшебства

или тебе помогли твои пророки? Ответь мне, о белый человек из страны теней. Открой мне секрет твоей мудрости!»»

Вот какими словами — то серьёзными, то шутливыми — умел он беседовать с прошлым и будущим!

Послание заканчивалось так: *«Жду тебя, бледнолицый брат мой, жду не дождусь, когда ты появишься в этих краях. Ведь недаром ты носишь фамилию баев, о великий Кунихан. Берите заступы и мудрые приборы, белую бумагу и пишущее чудо, и снизойдите на обетованную землю моих предков! Кстати, где моя книга под названием “Большой перевал”? Не забывай об операции “С”... Твой Дондок Улзытуев»...*

Однажды я сказал ему:

— Дондок — ты замечательный поэт, ты себе цену знаешь, и я знаю её. Но подумай — зачем беречь драгоценности в земле? Надо, чтобы люди знали о твоей родине, о её прошлом и настоящем, о её месте в семье человеческой. Ты один из тех, кто может познакомить мир с бурятской душой. Но учти, что мы живём в двадцатом веке, во время печатного слова, радио, телевидения, в эпоху массовой культуры. Не пустить ли нам твою поэзию на её мельницу? Давай сделаем тебе прививку благородного честолюбия и начнём погоню за славой.

— Прекрасно! — воскликнул мой друг. — Надо уходить от степного одиночества и мне. Заключаем союз, а операцию по добыче славы зашифруем под кодом: операция «С»!..

Всё мы сделали правильно: убедили друг друга во всём, составили планы, договорились, где, что и когда издавать (конечно, в большей степени всё это было шутливой игрой!), да время распорядилось, как всегда, не по-нашему, а по-своему. От степного одиночества поэт ушёл. От личного человеческого ему уйти не удалось...

Передо мною лежат несколько светло-зелёных школьных тетрадей, в которых Дондок долго записывал свои мысли и стихи, когда последние годы жил в старом домике в посёлке Боярском, слушая шум ветра байкальских волн да перестуки редких поездов как напоминание о том, что время не стоит на месте. На первой странице тетради — перечисление предметов, которые почему-то и как-то волновали его. Целый столбик слов, обозначающих что-то жизненно важное и необходимое для человека: «печь», «окна», «пол», «потолок», «лось», «звёзды», «хлеб», «цветы», «снега», «тре-

тъя встреча», «вино», «прощанье»... Зачем ему нужно было их перечислять? Чуть пониже — две скрещенных компасных стрелки, в окружности — указания стран света. Рядом в квадрате, нарисованном чернилами, названия четырёх ветров Байкала: «баргузин», «сарма», «култук», «шелоник».

Слова эти — словно бы вехи, затеси на деревьях, которые делает таёжный охотник, чтобы не сбиться в тайге с дороги, чтобы вернуться обратно, — к дому, к родным, к жизни, к истине. Дальше мелким почерком с исправлениями, зачёркнутыми словами и фразами идёт текст подстрочного перевода:

*Сын бескрайних степей и дремлющих курганов,
я шёл всю жизнь к другому простору, Байкалу.
Долог был путь — обошёл города и горы,
через море слов и снов пришёл к тебе, море.*

В черновиках этих стихотворений я вижу, как Дондок всей своей творческой волей хочет вечные мысли соединить с жизнью, не дать им разрушить всё земное, что связано со словами «дом», «хлеб», «цветы»...

*«Под звёздами с Байкалом наедине я говорю на их языке.
Большая Медведица — Семеро старцев, сколько вам лет? Сколько лет эти звёзды в небе гадают о твоих судьбах, Байкал?»*

Но задать такие вопросы — дело нелёгкое для души человеческой, потому что не ответит на них, а только охладает от бессилия и потеряет вкус к огню, к хлебу, к тёплой земле, потому и бежит мысль Дондока по школьной тетрадке в линейку обратно к земным очагам и человеческим ценностям: *«Избушка на берегу обрыва. От ветров и дождей почерневшие кедровые брёвна. Полсотни лет тому назад её срубил и поставил молодой обходчик с Урала...»*

Так я и не побывал в этой избушке. А жаль...

«Мэндэ, мой широкоглазый!

В последнее время я хотел написать что-то вроде “Великого сеятеля земли” М. Алексеева или “Мой Дагестан” Гамзатова. Очень отрадно, что не пытался всё это излить в стихах; тогда — о Будда, от моего “Я” не осталось бы ничего, кроме глупой толстой оболочки навряде бы истёртого баллона без камеры. Когда выйдет книжка, вышли несколько экземпляров срочно. Во время светлейшего писательского съезда держи себя загадочно,

будто знаешь нечто такое, чего никто из них не знает. Надо бы немного ещё напечатать стишки в центральных изданиях, продолжая операцию "С". Подстрочники будут. Готовься к лету.

Дондок».

Помню его рассказ о том, как буряты шли через тайгу в Петербург к Петру Великому на берега Последнего Моря — так они с незапамятных времен называли Балтику; как вела их сквозь тайгу знаменитая шаманка, и когда от голода и невзгод она умерла на полпути, то превратилась в птицу и продолжала, летя впереди, указывать путь своим соплеменникам. «Она была из рода Улзытэ», — закончил он. Слушая его, не хотелось разбираться в том, где правда, а где легенда, потому что всё объединялось воедино с его поэтическим даром.

Как-то он привёз в Москву свою мать — маленькую сухонькую старушку — и сразу повёл её в Мавзолей.

— Ты знаешь, — сказал он мне, — она поглядела на Ленина и говорит: «Я сразу его узнала!»

Однажды на каком-то литературном празднике мы с Дондоком очутились рядом в застолье. Проходило оно под открытым небом за сколоченными из свежих досок длинными столами в одной из бурятских деревень. После нескольких тостов буряты, зная, что Дондок ведёт свою родословную от древнего шаманского рода, предложили ему погадать на бараньей лопатке.

Дондок, взглядываясь в линии, начерченные природой на кости, стал медленно предсказывать будущее:

— Дожди будут падать на ваши луга вовремя, и тепло вовремя будет приходить к вам... Стада ваши будут хорошо размножаться. Мужчины будут сильными, а женщины верными своим мужьям...

После каждой его фразы прокатывался гул одобрения.

— Дети ваши будут здоровыми, а семьи — многолюдными.

Когда под радостные возгласы он закончил обряд гадания, я потихоньку спросил его:

— Дондок, ты действительно умеешь гадать или наговорил от фонаря всё, что пришло в голову?

Он повернул ко мне своё широкое лицо с улыбающимся ртом и грустными узкими глазами.

— Я действительно умею гадать. Бабка научила. Только, — он ещё более сузил глаза, словно скрывая от меня их выражение, —

как говорит баранья лопатка, многое из того, что я здесь вещал, случится наоборот.

Несколько раз я слышал от него мрачные и тревожные предсказания относительно будущего:

— Конец века, — говорил он ещё в начале семидесятых, — будет отмечен яростными взрывами национализма, — и задумывался, впадая в длительное молчание.

В 1996 году Бурятия скромно отметила 60-летие со дня рождения Дондока. Обещали пригласить на праздник и меня. Но не получилось... Сбылось предсказание поэта, что «многое случится наоборот».

*Ты умер, мой милый язычник
с монгольским строением глаз.
Крапива и тысячелистник
толкуют с тобою сейчас.
Ты вовремя, мой евразиец,
растаял в туманной дали,
ты счастлив не знать — что с Россией,
последней надеждой земли.*

Незадолго до смерти Дондок приехал в Москву и поселился в гостинице Центральной. На другой день мы с ним съездили в издательство, потом в редакцию журнала «Дружба народов», где оставили его стихи, переведённые мною. Словом, сделали все дела и расстались до завтра. Но поздно ночью в моей квартире зазвонил телефон.

— Бледнолицый брат мой! Мне очень худо, приезжай скорее! — Дондок уже был болен, о чём я догадывался, выглядел скверно — жёлтое лицо, мешки под глазами, постоянные жалобы на боли в боку... Я примчался в гостиницу.

В номере уже хозяйничала бригада «Скорой помощи», вызванная гостиничной дежурной. Дондок лежал на кровати с полужакрытыми глазами. Ему сделали какой-то обезболивающий укол, и медики уже собирались уезжать. Я остановил их:

— Куда вы? Разве можно его оставлять? Что с ним? — в ответ я услышал, что у Дондока, видимо, какое-то обострение, то ли диабета, то ли панкреатита.

— Так его надо в больницу везти! — возмутился я, видя по поведению врачей, что они больше не хотят возиться с каким-то бурятом.

— Проснётся к утру и приступ пройдет!

— Да вы что, эскулапы! — чуть ли не закричал я. — Знаешь, кто он такой? Это великий поэт не только бурят-монгольского мира, но и всей Евразии! — тут Дондок открыл глаза и пробормотал:

— Ты прав, мой широкоглазый! Скажи им ещё, что я гражданин Республики Монголия! — эскулапы схватились за телефон и быстрехонько нашли Дондоку место в одной из лучших московских клиник, откуда он вскоре вышел живым и здоровым.

Я часто думаю о том, что посмертная трагедия Дондока Улзытуева теснейшим образом связана с трагедией гибели Советского Союза. Если бы этой катастрофы не произошло, если бы сословие советских читателей — самых образованных и пытливых среди читателей всех времён и народов — сохранилось, то оно постепенно освоило бы и глубину и красоту поэзии Дондока, великого поэта не просто Бурятии, не только русского мира, но и всей великой Евразии... Размах мысли и чувства моего друга был поразителен!

*Запрокинув лицо, я на звёзды глядел,
Слушал музыку сфер, слушал медленный рокот,
Но куда-то в пустое пространство летел
Мой безмолвный вопрос — полукрик-полушёпот.
В темноту,*

в мирозданье,

в безгласную ночь

Улетал и навек пропадал безвозвратно.

Видно, было ему не по силам, невмочь

Всё понять и ко мне возвратиться обратно.

Но осталось в глазах у меня навсегда:

Мимолётным виденьем, прекрасным и странным,

Темноту рассекая, срывалась звезда,

Пролетала и гасла намёком туманным.

Гениальное стихотворение юноши из улуса Шибертуй! Вот так умел Дондок разговаривать с планетами, с мирозданием, с вечностью! Когда ему было нужно нащупать связь души челове-

ской с вечностью, он мог, словно волшебник, превращать явления «низкой» жизни в драгоценные перлы поэзии:

*Запах навоза и тёплой земли
Ветры с полей принесли.*

*Женщине, дремлющей во дворе,
Снятся горькие сны.*

*Ветер приносит с южных холмов
Запах степных цветов.*

*Женщине снится сон о любви,
Лучший из горьких снов.*

Первая публикация — журнал «Байкал» (1975, № 4, под названием «Истину в близких чертах узнаю...»), затем в книге Станислава Куняева «Поэзия. Судьба. Россия»: Кн. 2. «...Есть ещё океан». — М.: Наш современник, 2001